

LUDMIŁA ŁUCEWICZ

Uniwersytet Warszawski, Wydział Lingwistyki Stosowanej

О ГРЕХАХ МЛАДЕНЧЕСТВА, ДЕТСТВА И ЮНОСТИ В ИСПОВЕДИ БЛ. АВГУСТИНА

About the sins of infancy, childhood and youth in *Confession of Augustine*

The article is dedicated to the study of Augustine's interpretation of the original sin; it represents immorality that overwhelmed human nature. Augustine understands fall of man as man's arrogance who turned from God to evil. Predetermined sins committed at the early stages of author's life are examined on the basis of his confessions.

Keywords: Augustine, Confession, sins, infancy, childhood, youth

1

На становление и развитие литературной исповеди (Уваров 1998; Марков 1999, 56–75; Засе 2012) влияние оказали в первую очередь блаженный Августин (354–430)¹ и Жан-Жак Руссо (1712–1778)². Многие европейские и русские авторы в большей или меньшей степени учитывали исповедальный опыт Августина.

Стоит обратить внимание на тот факт, что в авторских исповедях, как правило, используется какая-то литературная модель, *post factum* делаются выводы, чтобы выразить смысл, который трудно подтвердить документально. Автор описывает и интерпретирует свой жизненный путь таким образом, чтобы он обрел тот смысл, который определился в зрелом возрасте. Нередко события, явления, факты,

¹ *Исповедь* бл. Августина пользовалась популярностью у русских читателей. Первый печатный перевод *Исповеди* на русский язык был выполнен в 1787 году иеромонахом Агапитом (Скворцовым); следующий – Киевской духовной академией в 1880 г. Одним из лучших переводов XX в. принято считать перевод проф. М. Е. Сергиенко, подготовленный в блокадном Ленинграде (Августин 2013, 5–243).

² О переводах *Исповеди* Руссо на русский язык см.: (А. А. Златопольская 2010, 157–169).

вошедшие в исповедь, представлены так, как будто обращение в лоно Церкви, возвращение к вере было изначально предначертано. При этом автор в процессе повествования о собственной жизни, описывая переживания, разочарования, кризисы, глубочайшие мировоззренческие перевороты и обретения, создает достаточно определенное представление о себе как личности. Исповедь, по сути – это повествование самой личности (Августина, Руссо, Толстого) о становлении и развитии собственно личности. При этом личность оказывается многогранной, яркой, содержательной, именно благодаря авторскому повествованию, через которое она являет себя как людям, так и самой себе. Автор рисует, раскрывает, создает себя как образ личности, вписывая его в то повествование, которое наполняет его жизнь смыслом, им самим назначенным.

Главная тема многих писательских исповедей (до XIX в. включительно) – *обращение*. Оно не связано с ситуацией, когда к вере обращаются от неверия. Все авторы, как правило, верили в Бога. Вопрос состоит в том, какое место отводилось Богу на разных жизненных этапах.

В исповедях *обращения* (традиция, заложенная Августином) все хорошее происходит от Провидения Божия. Все плохое объясняется грехами человека, совершенными чаще всего в молодости. В юности редко кто из людей вписывает свои поступки, действия, помыслы, литературные творения в схему греха. А вот в зрелости, оглядываясь на пройденный путь, автор (тем более обращаясь к жизнеописанию) истолковывает его в свете определенных интересов (морально-этических, социальных, политических, религиозных, литературных) именно как грех. Это и становится темой исповедального повествования. Августин трактует проблему человека двойственно, руководствуясь двумя христианскими догматами: с одной стороны, в идеале человек – образ и подобие Божие, с другой стороны, в реальности – существо греховное, несовершенное. Таковым он и представляет себя в *Исповеди* (Августин 2013, 397–398).

Обращение Августина произошло в 386 году, когда ему было 32 года, а ровно через десять лет, в 42 года, он начал писать свою *Исповедь*. Согласно психосоциальной теории Эрика Эриксона, развитие личности происходит на протяжении всей жизни и включает несколько возрастов: младенчество, раннее детство, возраст игры, школьный возраст, юность, зрелость (ранняя, средняя, поздняя). Августин писал свою исповедь в период *средней зрелости*, который длится, по

Эриксону, от 26 до 64 лет и характеризуется высокой продуктивностью, обусловленной обостренным чувством долга, заботой о «людях, результатах и идеях», определяющих будущее благополучие человечества (Erikson 1982, 67). *Исповедь* Августина – универсальный текст, суть которого определяет признание Бога и мира, Им сотворенного в многообразии различных связей. Она и сейчас поражает не только своей проникновенной искренностью, психологической убедительностью, высоким литературным мастерством, но и заботой о будущих поколениях. Исповедуясь перед Богом, Августин делает свой человеческий опыт достоянием всех:

Кому рассказываю я это? Не Тебе, Господи, но пред Тобою рассказываю семье моей, семье людской, как бы ничтожно ни было число тех, кому попадет в руки эта книга. И зачем? Конечно, чтобы я и всякий читающий подумали, „из какой бездны приходится взывать к Тебе” (Августин 2013, 23).

При этом, как видно, авторское «я» представлено здесь по меньшей мере тройко: «я» – автор, «я» – образ, «я» – адресат.

Исповедь Августина – сложнейший полижанровый и соответственно полидискурсный текст, где автор органично переплетает *исповедание* (проповедь) христианской веры, *прославление* (панегирик) Господа с *рассказом* о собственной жизни, чувствах, страстях и глубоким *покаянием/раскаянием* в грехах; кроме того, он *критикует* устройство современного ему государственного организма (затрагивая вопросы воспитания, образования, школы, университета); *характеризует* нравы, привычки соотечественников (*нравоописательные очерки*), *показывает* борьбу партий; *анализирует* состояние науки и искусства и проч. (*аналитические статьи*); *рассматривает* проблемы богословские и философские (на уровне *научных трактатов*). Как христианский богослов Августин *критикует* манихейство, неоплатонизм, астрологию; *размышляет* о таинстве исповеди, *толкует* Книги Бытия, *излагает учение* о Троице, *пытается осмыслить*, что есть Бог; как философ *рассуждает* об экзистенции (способе бытия человека), о природе его памяти, о познании и воле, о взаимодействии внутреннего мира личности и космоса, о времени абсолютном и относительном, а как лингвист – о возможностях языка, о соотношении языка и мышления и др. Вдохновляя и инспирируя сотни писателей (и миллионы читателей), *Исповедь* Августина

сыграла колоссальную роль в европейской культуре, литературе, оставшись непревзойденной.

В основе исповеди Августина лежит факт его религиозного обращения: философ-богослов постепенно отошел от «прелестей» чувственного мира, его иллюзий и постепенно отдался во власть Церкви. Чтобы этот факт обрел убедительную силу, Августин нашел самый мощный и безошибочный ход – он обратился к саможизнеописанию.

Структурно *Исповедь* состоит из тринадцати книг и условно делится на две неравные части: большая часть – это повествование о грехах и искушениях (9 из 13 книг). Кстати, в восемнадцатой книге знаменитого трактата *О Граде Божьем* (414–415) Августин выделил шесть возрастов человеческой жизни: младенчество, детство, отрочество, юность, зрелый возраст и старость (Августин, эл. верс.)³. В *Исповеди* первые пять этапов определяются грехами; и лишь на шестом (при помощи и силе Бога) возможна благодать⁴.

Прежде чем обратиться к грехам молодости, отраженным в *Исповеди*, кратко поясним учение Августина о грехе, изложенное в ряде произведений (*О духе и букве, О природе и благодати, О благодати Христовой и первородном грехе, Против Юлиана, О браке и вожделени*). Воспользуемся при этом комментариями известного шведского теолога и историка Бенгта Хегглунда. Августин, согласно Хегглунду, был убежден в том, что в «изначальном состоянии» (т. е. при сотворении) человек обладал свободой в полной мере и его воля могла выбирать между добром и злом. Грехопадение понимается Августином как высокомерие человека, отвернувшегося от Бога и обратившегося ко злу. Грех Адама (непослушание) – это преступление, которое влечет за собой вину перед Богом. Именно эта вина и обуславливает сущность греха. Утратив дар благодати, а значит, свободу выбирать добро, человек, принужден грешить, что ведет его к гибели. В крещении, согласно Августину, унаследованная вина снимается, но само состояние *первородного греха* остается и несет с собой испорченность, распространившуюся на всю природу чело-

³ Августин проводил аналогию между шестью днями творения, шестью возрастными человеческой жизни и шестью эпохами, как они «явствуют» из Ветхого завета и истории христианства.

⁴ Денис Фонвизин свою исповедь, названную «испытанием моей совести», разделил «на четыре книги. Первая ... младенчество, вторая юношество, третья совершенный возраст и четвертая приближающаяся старость» (Фонвизин 1959, 82).

веческую. Грех, по сути своей – неверие, вражда против Бога. Августин толкует его как *искаженное направление воли*. Конечно, человек может делать что-то хорошее, правильное, полезное в земной жизни, но поскольку сам он остается злым, то таковым остается и направление его воли, влекущее к греху. Это означает, что сам по себе человек не может содействовать своему спасению, только при помощи благодати он может творить добро (Хегтлунд 2001, 109–110).

Далее, в соответствии с проблематикой семинара, остановимся на грехах младенчества, детства и юности Августина.

2.

Родился Аврелий Августин в римской провинции Нумидия (сейчас это Сук-Ахрас на северо-востоке Алжира) в городке Тагасте. Его родители, как это представлено в исповеди, принадлежали к среднему классу. Отец Патрикий (Патриций) – небогатый землевладелец-язычник, порой злоупотребляющий алкоголем; мать Моника – погруженная в религию христианка. Именно она сублимировала свои семейные огорчения в надежды на способного сына и в принципе «решила судьбу Августина» (Мережковский 1997, 72)⁵. Дмитрий Мережковский считал, что с ранних лет мать подавляла маленького Августина (Мережковский 1997, 73), хотя сам он ни слова не написал в исповеди против своей святой матери. Зато немало пишет о своих «грехах» младенца:

Я барахтался и кричал, выражая немногочисленными знаками, какими мог и насколько мог, нечто подобное моим желаниям, – но знаки эти не выражали моих желаний. И когда меня не слушались, не поняв ли меня, или чтобы не повредить мне, то я сердился, что старшие не подчиняются мне, и свободные не служат как рабы, и мстил за себя плачем (Августин 2013, 9).

Августин в связи с проблемой происхождения души серьезно интересовался психикой младенцев. Он специально изучал факты проявления злобы в ребенке, будучи убежден в том, что маленькие дети не способны к добру. Как уже отмечалось выше, «грех» младенца, согласно Августину, обусловлен *первородным грехом* Адама и Евы (Кремлевский 1902, 96–98), предопределившим рождение

⁵ О роли семьи – отца и матери – в становлении личности пишет в своей исповеди и Д. Фонвизин (Фонвизин 1959, 82–87).

каждого младенца в состоянии греховности и вины. Отсюда сентенции Августина: «Младенцы невинны по своей телесной слабости, а не по душе своей» (Августин 2013, 10). Каждый изначально осужден на вечность в аду, если только Бог не вмешается в его судьбу, даровав ему благодать. «И если «я зачат в беззаконии, и во грехах питала меня мать моя во чреве», то где, Боже мой, где, Господи, я, раб Твой, где или когда был невинным?» (Августин 2013, 11) – риторически вопрошает будущий святой⁶.

Поскольку, по Августину, в грехопадение Адама (символ «человека» вообще), вовлеченным оказался весь род людской, утративший свободную волю делать добро, то именно злое направление человеческой воли, унаследованное с младенчества, и определяет «злобные» действия человека на протяжении всей его жизни. Даже если вина *первородного греха* снимается с человека крещением, то сама испорченность (греховность), которая является следствием непослушания Адама, сохраняется и передается из рода в род (Хегглунд 2001, 111).

Поэтому далее в *Исповеди* появляются грехи следующего возраста – детские/школьные, связанные с обучением. Семи лет Августина отдали в школу, которую он буквально возненавидел:

Боже мой, Боже, какие несчастья и издевательства испытал я тогда. Мне, мальчику, предлагалось вести себя как следует: слушаться тех, кто убеждал меня искать в этом мире успеха и совершенствоваться в красноречии, которым выслуживают людской почет и обманчивое богатство. Меня и отдали в школу учиться грамоте. На беду свою я не понимал, какая в ней польза, но если был ленив к учению, то меня били; старшие одобряли этот обычай (Августин 2013, 12).

Августин вспоминает, что в младших классах он хотел только играть. Он не любил школьных занятий, ненавидел греческий язык и литературу; ему не нравились «пустые рассказы» о древних богах и героях, он не хотел «плакать над умершей Дидоной, покончившей с собой от любви» (Августин 2013, 15) и не желал восхищаться «деревянным конем», полным вооруженных людей, или пожаром Трои и тенью Креусы. В *Исповеди* он сокрушается: «Гомер...в своей суетности ... так сладостен, и тем не менее мне, мальчику, он был горек»

⁶ О «грехах» младенчества пишет в своих признаниях и Фонвизин: «имел и я в себе то зло, которое у других младенцев видать случается, то есть: злобу, нетерпение, любостяжание и притворство, — словом, начатки почти всех пороков» (Фонвизин 1959, 84).

(Августин 2013, 16). Взрослый Августин прекрасно понимает, что при изучении чужого языка и литературы «гораздо важнее свободная любознательность, чем грозная необходимость» (Августин 2013, 17). А тогда, в детстве, за лень и нерадивость школьный учитель жестко его наказывает, ребенок жалуется на побои отцу и матери, но ни защиты, ни сочувствия, ни поддержки в них не находит; родители только «продолжали смеяться над этими побоями, великим и тяжким тогдашним моим несчастьем» (Августин 2013, 12). Жизнь маленького школьника превращается в тяжкие испытания, от него постоянно требуют беспрекословного и ответственного исполнения всевозможных заданий; ему же нравилось узнавать новое в процессе игры. Противоречия в установках взрослых и интуициях ребенка провоцировали глубокие кризисы. Однако, вспоминая в *Исповеди* о «муках детства», Августин при этом не стремится себя оправдать: он вполне осознает свою изначальную испорченность, *первородную греховность* своих поступков и помыслов. Отсюда такие признания: «Я, маленький мальчик и великий грешник» (Августин 2013, 15): «...я грешил, нарушая наставления родителей и учителей [...]. Я был непослушен ... из любви к игре; я любил побеждать в состязаниях и гордился этими победами. Я тешил свой слух лживыми сказками, которые только разжигали любопытство...» (Августин 2013, 13).

Августин обнаруживает в себе – ребенку – сонм греховных «мерзостей»: суетность, обман, воровство, тщеславие, гордость, честолюбие, желание почестей и славы, жажду превосходства над другими и проч., и проч.

Как я был мерзок ... без конца обманывая и воспитателя, и учителей, и родителей из любви к забавам, из желания посмотреть пустое зрелище, из веселого и беспокойного обезьянничанья. Я воровал из родительской кладовой и со стола от обжорства или чтобы иметь чем заплатить мальчикам, продававшим мне свои игрушки ... В игре я часто обманом ловил победу, сам побежденный пустой жаждой превосходства. ... А если меня уличали и бранили (за обманы – Л.Л.), я свирепел, а не уступал. И это детская невинность? Нет, Господи, нет! (Августин 2013, 20).

По верному наблюдению Леонида Баткина, в *Исповеди* «"Я" – не что иное, как „мой грех“. ...Мыслить и говорить о себе оказывалось культурно возможным ввиду причастности индивида первородному греху и в чаянии личного спасения» (Баткин 2000, 72).

Одним из памятных для Августина остался эпизод, когда он вместе со школьными друзьями крадет груши.

Я же захотел совершить воровство, и я совершил его, толкаемый не бедностью или голодом, а от отвращения к справедливости и от объядения грехом. Я украл то, что у меня имелось в изобилии и притом было гораздо лучше: я хотел насладиться не тем, что стремился уворовать, а самим воровством и грехом (Августин 2013, 25).

Взрослый Августин оценивает свой поступок как «ужасную гнусность», предается самобичеванию и раскаянию. Но и здесь очевидно: унаследованная греховность обуславливает тяготение к злomu – воровству, поэтому и здесь закономерно признание – «самое падение свое любил я» (Августин 2013, 25).

Вспоминая далее о своем отрочестве-юности, Августин особо останавливается на процессе «мужания» с его неодолимым влечением к греху похоти, к развращающему сердце сладострастию. Вторую книгу своей *Исповеди* он начал так:

Я хочу вспомнить прошлые мерзости свои и плотскую испорченность души моей ... в горькой печали воспоминания перебираю преступные пути свои. ... в юности горело сердце мое насытиться адом, не убоялась душа моя густо зараста бурьяном темной любви, истаяла красота моя, и стал я гнилью пред очами Твоими, – нравясь себе и желая нравиться очам людским” (Августин 2016, 21–22).

Страстное вожделение, свидетельствующее о «плотской испорченности души», овладевает юношей. Здесь следует напомнить, что, в соответствии с учением Августина, каждому новому поколению людей, в связи с естественным продолжением рода, передается злое вожделение, в плену которого и оказалось все человечество. В *Исповеди* Августин рассказывает, что шестнадцатый год своей жизни он провел в праздности, начиная томиться и мучиться «плотскою похотью, libido» (Мережковский 1997, 74). Похоть и становится в *Исповеди* основным грехом отрочества и юности:

туман поднимался из болота плотских желаний и бившей ключом возмужалости, затуманивал и помрачал сердце мое...я метался, растрчивал себя, разбрасывался, кипел в распутстве своем ... надо мною подъяла скипетр свой целиком меня покрившая безумная похоть ... (Августин 2013, 22–23).

Августин на собственном опыте показывает, как человек с определенного возраста подвергается вожделению и не в силах превозмочь его. Именно чувственность определяет все его помыслы и поступки: «колючая чаща моих похотей разрослась выше головы моей; не было руки выкорчевать ее» (Августин 2013, 22–23). Воля и разум при этом не в состоянии властвовать над «низшими силами души»; страсти берут верх, и человек, увлекаемый «похотью», попадает в «ловушку желаний». Он не способен выйти из заколдованного круга вожделения, поскольку в этой ситуации высшая цель его воли – земное блаженство, а не Божья благодать.

Августин вспоминает, как после смерти отца, он – уже семнадцатилетний юноша, отправляется в Карфаген для завершения образования. Что же реально делает он там? По признанию: весело «ринулся в любовь», «в тюрьму наслаждения» – публичные дома Карфагена:

Я прибыл в Карфаген; кругом меня котлом кипела позорная любовь. Я еще не любил и любил любить и в тайной нужде своей ненавидел себя за то, что еще не так нуждаюсь. Я искал, что бы мне полюбить, любя любовь: я ненавидел спокойствие и дорогу без ловушек. [...] не было здоровья в душе моей: вся в язвах, бросилась она во внешнее, жадно стремясь почесаться, жалкая, о существа чувственные. ... Любить и быть любимым мне сладостнее, если я мог овладеть возлюбленной. Я мучил источник дружбы грязью похоти; я туманил ее блеск адским дыханием желаний. Гадкий и бесчестный, в безмерной суетности своей я жадно хотел быть изысканным и светским. Я ринулся в любовь, я жаждал ей отдаться. ... Я был любим, я тайком пробирался в тюрьму наслаждения, весело надевал на себя путы горестей, чтобы секли меня своими раскаленными железными розгами ревность, подозрения, страхи, гнев и ссоры» (Августин 2013, 30–31).

Юноша, как видно, сосредоточен на сексе.

Или Августин, описывая свою юность, хочет, чтобы мы поверили в то, что он сосредоточен на сексе? В *Исповеди* он постоянно порицает себя как «гадкого раба» злых страстей, предающегося удовольствию «валяться в грязной бездне и мраке лжи» (Августин 2013, 42)⁷. Августин описывает себя как человека, самовлюбленно

⁷ Денис Фонвизин тоже пишет о «порочных связях»; и связывает свое «вступление ... в юношеский возраст ... вступлением в пороки» (Фонвизин 1959, 89). О своей невоздержанности в отрочестве напишет в исповеди и Лев Толстой: «я предавался гадким страстям ... Честолюбие, властолюбие, корыстолюбие, любострастие, гордость, гнев, месть ... Отдаваясь этим страстям, я становился похож на большого (ему тогда 13–14 лет – Л.Л.) ... Добрая тётушка моя

ищущего в пору юности наслаждения и истины лишь в себе, который не задумывается об «испорченности» и «ослепленности» своей души, когда «плотские желания» затуманивали разум и помрачали сердце.

Как вытекает из *Исповеди* Августина, младенчество, детство, юность автора буквально поражены множественными унаследованными грехами, справиться с ними самостоятельно, без помощи Божьей, он не может.

ЛИТЕРАТУРА:

- Erikson Erik: *The Life Cycle Completed, a Review*. NewYork/London 1982.
- Августин Блаженный: *Исповедь*, пер. Марии Сергеенко, отв. ред. Николай Казанский. Санкт-Петербург 2013.
- Августин Блаженный: *О Граде Божьем*, в: Августин Блаженный, *Творения*, пер. Киевской духовной академии. Киев 1879–1908, http://az.lib.ru/a/awgustin_a/text_0427_de_civitate_dei-2.shtml
- Баткин Леонид: *Европейский человек наедине с собой. Очерки о культурно-исторических основаниях и пределах личного самосознания*. Москва 2000.
- Гоголь Николай: <Авторская исповедь>, в: Гоголь Николай: *Собрание сочинений в 8 т.*, т. 7, под общ. ред. Владимира Щербины. Москва 1984, с. 430–466.
- Зассе Сильвия: *Яд в ухо: Исповедь и признание в русской литературе*, пер. с нем. Бориса Скуратова, Игоря Чубарова. Москва 2012.
- Златопольская Алла: *Исповедь Руссо и русская мысль XVIII–XIX веков*, в: «Вестник Русской христианской гуманитарной академии» 2010, вып. 2, т. 11, с. 157–169.
- Кремлевский Александр: *Первородный грех по учению блаж. Августина Иппонского*. Санкт-Петербург 1902.
- Марков Борис: *Храм и рынок. Человек в пространстве культуры*. Санкт-Петербург 1999.

(Татьяна Александровна Ергольская – Л.Л.), чистейшее существо... говорила мне, что она ничего не желала бы так для меня, как ... связь с замужнею женщиной: «Rien ne forme un jeune homme comme une liaison avec une femme comme il faut» («ничто так не образует молодого человека, как связь с порядочной женщиной») (Толстой 1983, 109). Итоги своей молодости (к 26 годам) Толстой подводил так: «Я убивал людей на войне, вызывал на дуэли, чтоб убить, проигрывал в карты, проедал труды мужиков, казнил их, блудил, обманывал. Ложь, воровство, лободения всех родов, пьянство, насилие, убийство... Не было преступления, которого бы я не совершал...» (Толстой 1983, 110). Страшная гипербола.

- Мережковский Дмитрий: *Собрание сочинений. Лица святых от Иисуса к нам*, редкол. Олег Коростелев и др. 1997.
- Толстой Лев: *Исповедь*, в: Толстой Лев: *Собрание сочинений в 22 т.*, т. 16., глав. ред. Михаил Храпченко. Москва 1983, с. 106–165.
- Уваров Михаил: *Архитектоника исповедального слова*. Санкт-Петербург 1998.
- Фонвизин Денис: *Чистосердечное признание в делах моих и помышлениях*, в: Фонвизин Денис: *Собрание сочинений в 2 т.*, сост., подгот. текстов, вступ. ст. и ком. Георгия Макогоненко, т. 2. Москва–Ленинград 1959, с. 81–104.
- Хегглюнд Бенгт: *Учение Августина о грехе и благодати*, в: Хегглюнд Бенгт: *История теологии*, пер. с швед. Валерия Володина. Санкт-Петербург 2001, с. 106–115.